

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ОБ ОДНОМ ТЮРКИЗМЕ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ ВОЛГО-КАМЬЯ

В финно-угорских языках Волго-Камья (удмуртском и марийском) для усиления отрицательных местоимений и наречий типа *никто, ничто, никогда* и т. п., а иногда вообще для усиления отрицания употребляются эмфатические усилительные частицы.

Для усиления отрицания в удмуртском языке используется выделительная частица *но*. Примеры: *Тон та сярись нокинлы но ен поттылы, пие* (Петров 9) 'Ты об этом никому не говори, сынок'; *Мон тонэ ноку но уг вунэты* (Петров 79) 'Я тебя никогда не забуду'; *Кулэм муртлэсь кышкан ой вал, со, маке мукет кышкан вал, нош мар, Даша ачиз но уз вала* (Петров 120) 'Мертвеца она не боялась, боялась чего-то другого, но чего, Даша сама не понимала (букв.: не понимает)'; *Сйзьыллэн берпум шулдыр вакытыз. Инмысь одйг пилемез но уд адзы* (Петров 230) 'Прекрасная пора поздней осени. На небе облачка не увидишь'.

В марийском языке отрицание усиливается выделительной частицей *-ат*, которая по марийской орфографии пишется слитно с относящимся к ней словом. Примеры: *Таче ояр лийшаш, кава тўрыштö ик пыл лапчыкат ок кой* (Иванов 21) 'Сегодня должна быть хорошая погода. На небе ни одного облачка не видно'; *Нимогай пайда мат ом кондо. Тыге ок лий. Төрланаш, төрланаш күлеш!* (Иванов 32) 'Никакой пользы не приношу. Так нельзя. Выздоровливать, выздоравливать нужно!'; *Ола ден ял-влак йўлат. Гитлеровец-влак нимат огыт чамане: корно ўмбалнышт чыла ломыжыш савырен кодат* (Иванов 51) 'Города и деревни горят. Гитлеровцы ничего не щадят. На дорогах все в пепел превращают'.

Точно так же употребляются выделительные частицы при наличии отрицания в чувашском и татарском языках.

В чувашском языке отрицание усиливается с помощью выделительной частицы *та (те)*. Примеры: *Аслă сул инçех те мар ёнтё* (Алендей 36) 'Большая дорога не далеко уже'; *Умра — тем анлайш хир, унйн вёçё-хёрри те кураймасть* (Алендей 31) 'Впереди широкое поле. Конца-края его не видно'; *Вăрçăчен эпё ни хаçан та шофер пулман* (А. Талвир, Эсё инженер пулатйн, Шупашкар 1951, стр. 81) 'До войны я никогда не был шофером'.

В татарском языке для усиления отрицания используется выделительная частица *да (дә)*, варианты *та (тә)*. Примеры: *Ләкин Хәлим никадәр генә караса да, тау башындагы карангы сукмакта бер кеше дә күрмәде* (Гази 13) 'Но сколько бы ни всматривался Халим, он не заметил на темной тропе, идущей по вершине горы, ни одного человека';

эти, син миңа бернәрсә дә алып кайтмадыңмыны? (Гази 21) 'Папа, разве ты мне ничего не привез?'

Употребление выделительных частиц для усиления отрицания в удмуртском и марийском языках возникло, по нашему мнению, под влиянием тюркских языков — чувашского и татарского.

Может возникнуть вопрос, на каком основании мы квалифицируем эту манеру как тюркскую, если в прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках наблюдается то же явление? Выделительные частицы в этих языках являются средством образования отрицательных местоимений и наречий и также употребляются для усиления отрицания. Примеры: фин. *Koskaan ennen hän ei ollut sellaista tehnyt, mutta nyt ei nähnyt tässä teossaan mitään pahaa* (Timonen 12) 'Никогда прежде он подобного не делал, но теперь он не видел в этом поступке ничего плохого'; эст. *Kellelgi ei olnud millestki puudust* (Alvre 115) 'Ни у кого ни в чем не было недостатка'; саам. *I oktage mattam Egypten visain čilggit daid niegoid* (V. Vogt, *Bibalhistoria ja vebaš girko historiast*, Kristiania 1898, стр. 53) 'Никто из египетских мудрецов не мог истолковать эти сны'; мордЭ *Аватне талнозевств, ки жо озы руленть экиш, ветямо кияк а машты* (Абрамов 32) 'Женщины забеспокоились, кто же сядет за руль, никто не умеет вести машину'.

Не лучше ли предположить, что в марийском и удмуртском языках сохранилось исконное финно-угорское состояние, а наличие сходного явления в чувашском и татарском языках или обязано влиянию финно-угорских языков, или представляет пример конвергентного развития. Такой вывод, по-нашему мнению, был бы ошибочным. Чтобы решить эту проблему, необходимо выяснить особенности дистрибуции выделительных частиц в прибалтийско-финских, саамском, мордовских, марийском и удмуртском языках.

В финском языке наиболее часто употребляются выделительные частицы *-kaan* (*-kään*), *-kin* и *-han* (*-hän*).

Частица *-kaan* (*-kään*) имеет определенную специализацию. Она употребляется в отрицательных предложениях. Можно выделить три основных случая ее употребления:

1) образует отрицательные местоимения и наречия: *Minä näin vain sinut, Robert vastasi. Irina puristi Robertin käsivartta mitään sanomatta* (Timonen 33) 'Я видел только тебя, — ответил Роберт. Ирина сжала руку Роберта, ничего не говоря'; *Lesojev ei koskaan laskenut leikkiä* (Timonen 39) 'Лесоев никогда не шутил'. (Частица *-an* (*-än*) представляет собой видоизмененную форму *-kaan*, *-kään*);

2) используется для усиления отрицания: *Hän päätti, ettei hänkään puhu sanaakaan koko asiasta* (Timonen 111) 'Он решил, что и он не скажет обо всем ни слова';

3) употребляется во вспомогательных словах, содержащих отрицание типа *ainakaan* 'ни в коем случае', *etenkään* 'вовсе не', *joskaan* 'хотя не'.

Усилительная частица *-kin* употребляется в финском языке для эмфатического выделения какого-либо слова в предложении, практически со всеми частями речи, например: *Miikula ei ollut Veikolle läheistä sukua, vaikka hänellä olikin sama sukunimi* (Timonen 53) 'Мийкула не был близким родственником Вейкко, хотя у него и была та же фамилия'.

В употреблении этой частицы обнаруживается два основных случая. В первом эмфатическое выделение слова может быть не связано с пре-

1 Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Москва 1953, стр. 214.

дыдущим контекстом, например: *Olgan kasvot olivat pyöreähköt, ehkä liiankin leveät, niitä kaunisti poskien puhdas puna* (Timonen 75) 'Лицо Ольги было округлым, может быть даже слишком широким, его украшал чистый румянец щек'.

Во втором случае говорящий, употребляя частицу *-kin*, не только выделяет в речи то или иное слово, но и показывает, что такое выделение связано с содержанием предыдущего контекста. Иногда он хочет показать, что субъект действия совершает то же действие, что и другие, ср. рус. *И я пойду с вами*. Такое выделение мы в дальнейшем будем называть уподобительным. Например: *Toisten laulaessa Irina alussa kainosteli. Vähitellen hänkin yhtyi lauluun* (Timonen 29) 'Когда другие запели, Ирина сначала стеснялась. Постепенно и она присоединилась к пению'.

Усилительная частица *-han (-hän)* по значению почти синонимична усилительной частице *-kin*: *Mitähän hänelle on tapahtunut?* (Timonen 47) 'Что же с ним случилось?'; *Laulu, sehän on samaa kuin lintujen viserrys tyynenä kesäiltana. Käsitäthän?* (Timonen 61) 'Ведь песня, это то же самое, что и щебетанье птиц в тихий летний вечер. Понимаешь?'

В эстонском языке нет такого разнообразия выделительных частиц. Большую часть упомянутых функций финских частиц может выполнять частица *-ki (-gi)*. Как указывалось выше, эта частица может употребляться при отрицании и входить в состав отрицательных местоимений и наречий: *Keegi ei vastanud* 'Никто не ответил' (Alvge 115). Кроме того, эта частица может усиливать имеющееся в предложении отрицание, например: *Ujumisbasseinidest ja sõudejaamast polnud küll veel jälgegi, aga vähemalt aasta pärast pidavat needki valmis olema* (Tootsen 55) 'От плавательного бассейна и лодочной станции не было даже и следа, но и они примерно через год должны быть готовыми'. Данная частица выполняет и те функции, что и фин. *-kin*: эмфатически выделяет какое-либо слово в предложении: *Selgus aga, et jaamas on suur võõraste-maja ja paar vaba kohtagi* (Tootsen 141) 'Но выяснилось, что на станции есть большая гостиница и даже пара свободных мест'.

Не чужда эстонской частице *-ki (-gi)* и функция уподобительного выделения: *Tööd tahtsime meiegi teha* (Tootsen 159) 'Работать захотели и мы'.

Как и фин. *-kaan (-kään)*, эст. *-ki (-gi)* употребляется в некоторых вспомогательных словах типа *muudugi* 'конечно', *isegi* 'даже'.

Частица *-ge* в саамском языке образует не только отрицательные местоимения и наречия. Подобно рассмотренной эстонской частице ей свойственна и выделительная функция, например: *Dålli i ballim olmuš oadde tge* (E. Itkonen, Lappische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis, Helsinki 1960, стр. 27) 'Тогда не боялся человек спать'.

Не чужда ей также функция уподобительного выделения, например: *Go vielljägvoovtos dâm gulâiga, de mânâiga soaige gonâgâsâ gar'demi* (J. Qvigstad, Lappiske eventyr og sagn I, Oslo 1927, стр. 4) 'Когда братья это услышали, они также отправились в королевский сад'.

В мордовских языках, как и в эстонском и саамском, нет большого разнообразия выделительных частиц. Для эрзянского языка характерна выделительная частица *-как (-гак)*, *-як*. В мокшанском языке употребительны выделительные частицы *-ка*, *-ке*, *-ге*, *-вок*.

Характерно употребление этих частиц для образования отрицательных местоимений и наречий, например: *Боря чийсь берёконтъ лангс ды кармась пижнеме. Но косяк кияк арась* (В. К. Радаев, Шошма

леенть чиресэ, Саранск 1957, стр. 10) 'Боря бежал по берегу и начал кричать. Но никого нигде нет'.

Эти же частицы могут употребляться вообще для усиления отрицания: *Эзь марявгак, кода ютась шкась* (Абрамов 94) 'Даже не заметил (букв.: не ощутилось), как прошло время'.

Частица *-как (-гак)* и ее разновидности *-ак*, *-як* подобно эст. *-ki (-gi)* широко используются для эмфатического выделения различных слов в предложении. Примеры: *Кшизэ Надянь ульнезэ, саты валскененьгак* (Абрамов 38) 'Хлеб у Нади был. До утра хватит'; *Велинесь вишкине, весемезэ ве улица. Те улицянтеньгак кадовсть ансяк комсешка кудо* (Абрамов 116) 'Деревенька маленькая, всего одна улица. От той улицы осталось только двадцать домов'; *Мон пачкодян ялгояк, илядо мелявто* (Абрамов 214) 'Я пойду пешком, не заботьтесь'.

Довольно часто *-гак* употребляется для уподобительного выделения. Примеры: *Ломатне лиснесть вагонтнестэ. Лиссь Надяяк* (Абрамов 37) 'Люди вышли из вагонов. Вышла и Надя'; *А морот, а вайгельть эзть маряво. Арасельть толткак* (Абрамов 22) 'Не слышно было ни песен, ни голосов. Не было и огня'.

Если учесть, что выделительная частица *-han (-hän)* в финском языке возникла относительно поздно и восходит к указательному местоимению, а в основе таких выделительных частиц, как фин. *-kaan (-kään)*, *-kin*, саам. *-ge*, мордЭ *-как* и мордМ *-ка (-ке)* лежит местоименная основа **-kə*, то можно предположить, что в языке-основе, из которого позднее развились прибалтийско-финские, мордовские и саамский языки, существовала выделительная частица **-kə*. Она употреблялась в трех основных функциях, которые выше были описаны. В отношении таких языков, как пермские, обско-угорские, самодийские и марийский, подобное состояние не восстанавливается.

В марийском языке есть выделительная частица *-ак*, которая имеет некоторые сходные функции с фин. *-kin*, *-kaan (-kään)*, эст. *-ki (-gi)*, саам. *-ge*, мордЭ *-как*: может употребляться для эмфатического выделения любого слова в предложении, например: *Первый кредалмаштак тушманьн кок самолетшым волтен шуэн* (Иванов 50) 'В первом же бою он сбил два вражеских самолета'. Вместе с тем эта частица обнаруживает довольно значительные различия: она не может образовывать, ни усиливать отрицательных местоимений и наречий. Кроме того, она не может употребляться в анафорическо-выделительной функции. В этом отношении сфера ее значений совпадает со сферой значений усилительной частицы *-ах* в чувашском языке.

Марийская выделительная частица *-ат* употребляется не только для усиления отрицательных местоимений и вообще отрицания, но имеет также функции анафорического и уподобительного выделения: *Тыйын танашет-влак ўдырым шукертак налыныт, тыланат жап* (Иванов 24) 'Твои приятели давно поженились. И тебе пора'.

Аналогичное значение имеет выделительная частица *та (те)* в чувашском и частица *та (тэ)* в татарском языках.

Насколько нам известно, ни в прибалтийско-финских, ни в саамском, ни в мордовских языках нет выделительной частицы с основой **tə*, которая употреблялась бы в анафорическо-выделительной функции. Можно ли предполагать, что употребление удмуртской выделительной частицы *но* для усиления отрицания возникло под влиянием тюркских языков, в данном случае татарского? Думаем, что для этого есть достаточные основания.

Этимологически родственная удмуртской выделительной частице *но* выделительная частица *нө* в коми языке, за исключением, может быть, редких случаев, не употребляется достаточно регулярно для усиления

отрицательных местоимений и наречий и вообще для усиления отрицания, например: *Но, кыдзи тōдад, налōн таысь нинōм эз артмы* (Изъюров 33) 'Но, как знаете, у них из этого ничего не вышло'; *Вот морт жō тэ, тшыг коть пот, кынман коть он — некор он шогсыы* (Потолицын 7) 'Вот человек же ты, хоть голоден, хоть сыт, хоть мерзнешь, хоть нет, никогда не жалуешься'; *Бытьтō нарошнō, керкаяс диньн некод эз тыдав* (Изъюров 3) 'Будто нарочно около домов никто не показывался'; *Ме тiянōс ог вōрōд, и тi менō эн вōрōдōй* (Потолицын 16) 'Я вас не трогаю и вы меня не трогайте'.

Можно выделить три основных случая употребления удмуртской усилительной частицы *но*:

1) усиление отрицания: *Малы номыр но уд вераське?* (Антонов 14) 'Почему ничего не говоришь?';

2) анафорическо-уподобительное выделение слова: *Отын, Поддубкиын нуналлы быдэ вель частушкаос ... Мон но Поддубкиын вал. Быдэс час цыганочкаяз танцевать кари* (Антонов 51) 'Там, в Поддубках каждый день новые частушки. И я в Поддубках был, целый час цыганочку танцевал';

3) эмфатическое выделение слова: *Мон ялан вити. Война бырем бере но кема вити* (Т. А. Архипов, Лудзи шур дурын, Ижевск 1955, стр. 24) 'Я всегда ждала. Даже после окончания войны долго ждала'.

Употребление удм. *но* поразительно напоминает употребление татарской выделительной частицы *да, дэ*, для которой типичны те же случаи употребления:

1) *Тау башында жил лып туктады: хэттэ улэн дэ селкенми* (Гази 9) 'На вершине горы ветер прекратился. Даже трава не колыхнется'.

2) *Мин дэ туктадым* (Н. Дәүли, Тамгалы буре, Казан 1965, стр. 6) 'И я остановился'.

3) *Бугенгә йөрмә инде, буран да чыгып тора* (Гази 31) 'Не ходи сегодня. Буран надвигается'.

Любопытно также отметить, что на базе выделительной частицы *но* в удмуртском языке возник соединительный союз *но*, соответствующий русскому соединительному союзу *и*, например: *Моң пукисько но кылзисько* (Антонов 3) 'Я сижу и слушаю'. То же явление наблюдается в татарском языке, где существует соединительный союз *да 'и'*, совпадающий по форме с выделительной частицей *да (дэ)*, например: *Менә ул берәз ял итәр дэ обушогын эзләр* (Гази 19) 'Вот он немного отдохнет и будет искать свой обушок'.

Таким образом, усиление отрицания посредством усилительных частиц в марийском и удмуртском языках отражает тюркскую языковую манеру, а не финно-угорскую. Об этом свидетельствуют разное происхождение частиц, употребляемых для этой цели в прибалтийско-финских, саамском, мордовских, марийском и удмуртском языках, формальная и функциональная близость марийской частицы *-ат* и тюркских частиц *та (те)*, *да (дэ)* и абсолютное функциональное тождество удмуртской частицы *но* и татарской частицы *да (дэ)*.

Сокращения

Абрамов — К. Г. Абрамов, Качамонь пачк, Саранск 1964; **Алендей** — В. С. Алендей, Тёпре пуриччен, Шупашкар 1957; **Антонов** — С. Антонов, Зоръёс, Ижевск 1955; **Гази** — И. Гази, Онытылмас еллар, Казан 1949; **Иванов** — В. М. Иванов, Тутан, Йошкар-Ола 1965; **Игнатъев** — В. Г. Игнатъев, Кақши юр, Шупашкар 1964; **Изъю-**

ров — И. В. Изъюрюв, Кор дзоридзалö льöм, Сыктывкар 1957; Петров — М. Петров, Вуж мултан, Ижевск 1954; Потолицын — И. Потолицын, Изъвавывса крепость, Сыктывкар 1958; Alvre — P. Alvre, Soome keeleõpetuse reegliid, Tallinn 1969; Timonen — A. Timonen, Kotoisilla poluilla, Petroskoi 1960; Tootsen — Ulo ja Toivo Tootsen, Maa ja mere peal, Tallinn 1970.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

UBER EINEN TÜRKISMUS IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN DES WOLGA-KAMABECKENS

In den finnisch-ugrischen Sprachen des Wolga-Kamabeckens (im Udmurtischen und Marischen) wird die Verneinung ziemlich regelmäßig durch besondere emphatische Partikeln verstärkt. Einige Finnougristen sind der Meinung, daß diese Erscheinung rein finnisch-ugrisch ist, weil die Verstärkung der Verneinung durch die Partikeln auch in den ostseefinnischen und mordwinischen Sprachen sowie in der lappischen Sprache vorkommt. Der Verfasser verteidigt einen ganz anderen Standpunkt. Das System der verstärkenden Partikeln im Marischen stimmt vollkommen mit dem System dieser Partikeln im Tschuwaschischen überein. Die udmurtische Partikel *но* hat keine Parallele im Syrjänischen, wo die Verneinung durch die Partikeln nicht verstärkt wird.

Die Funktionen der marischen und udmurtischen Partikeln weisen eine überraschende Ähnlichkeit auch mit den Funktionen der tatarischen Partikel *да* (*дә*) auf. Daraus zieht der Verfasser die Schlußfolgerung, daß die Verwendung von Partikeln für die Verstärkung der Verneinung im Marischen und Udmurtischen durch die Turk-sprachen hervorgerufen worden ist.